

Курама впервые за долгие годы видит Коноху, и это не триумфальное восстановление призрачных руин, как всегда представлял себе Наруто. Это даже не тайная миссия в тылу врага, чтобы наконец похоронить мертвых, как хотел его джинчуурики. Вместо этого сейчас два часа после полуночи, и у Курамы болят и мерзнут ноги. Нахо спит у него на плече, закутавшись в свою одежду, но оставив на его рубашке мокрый след от слюны. Он раздражен, характер короткий, но бесцельный, и только осознание того, что Наруто где-то рядом - практически рядом, чтобы дотронуться, - заставляет каждый квадратный сантиметр его кожи зудеть от желания найти маленького светловолосого мальчишку.

Гончая в ANBU означает, что Наруто жив. В бледном свете луны Курама смог разглядеть четыре лица на горе, но, хотя он не очень хорошо разбирается в возрасте людей, ему кажется, что Гончей не исполнилось и четырнадцати. Значит, Йондайме мертв, а Наруто уже стал джинчуурики.

Его Наруто не отбросило достаточно далеко назад, чтобы предотвратить все - на это, вероятно, ушла бы и чакра Саске, - но, несмотря на потерю возможности остановить несчастный случай с Обито или даже просто убить Мадару, когда тот был ребенком, и позаботиться о Зецу, прежде чем тот успел извратить знания в Храме Учихи, Курама не может быть ничем, кроме радости. Сделать это во времена, когда Наруто еще не существовало, спасти мир, который не принадлежал Наруто и, возможно, никогда им не станет... Не знаю, насколько хорошо он справится с подобной задачей.

Ворота серебристо поблескивают в темноте, нарисованные луной. После наступления темноты они закрываются, и Курама смотрит на них немного настороженно, пересаживая Нахо повыше на плечо. Деревни шиноби не прекращают работу с наступлением ночи, но люди обычно более осторожны, а Курама неизвестен. У него нет прошлого, нет личности, нет ни одного человека, который мог бы за него поручиться. (Ну, Киллер Би мог бы, зная его, но он несносен, а Курама предпочитает, чтобы между ними по возможности оставалось полстраны). Если они его впустят...

С другой стороны, - немного язвительно думает Курама, косо поглядывая на своего спутника, - возможно, он не самое подозрительное существо, которое АНБУ когда-либо притаскивал с собой домой. Он казался достаточно эксцентричным, когда тренировал Команду 7.

Словно услышав его мысли, Гончая бросает на него косой взгляд и говорит: "Ты ведь можешь использовать чакру, верно?"

Курама только и успевает, что огрызнуться. Он - многовековая конструкция силы и мощи, созданная самим Мудрецом Шести Путей. Использовать чакру? Он и есть чакра. И если этот худой, тощий, ломающийся человек думает, что он может...

"Да", - сквозь стиснутые зубы выдохнул он, когда стало очевидно, что Гончая либо не замечает, либо игнорирует его возмущение. "Да, я, блядь, могу использовать чакру, спасибо".

Гончая хмыкает, как будто его не убедили, и все, будущий учитель или нет, Курама собирается

его убить. Он привяжет его за пятки и...

Поскольку он грубый и бесцеремонный ублюдок, Гончая прыгает вверх и вперед, прежде чем Курама успевает отомстить. Он приземляется на верхнюю часть стены, затем опрокидывается и исчезает из виду, а Курама раздраженно хмыкает. Снова откинув волосы с глаз, он убедился, что Нахо стоит на месте, затем присел, направил едва заметную струйку чакры к ногам и прыгнул. Стена проносится под ним, легко преодолевая расстояние, и Курама опускается на улицу, едва вздымая пыль. Идеальное приземление.

Конечно, Гончая даже не смотрит на него. Он в полуквартале от него, идет быстрым шагом, а когда сворачивает за угол, оглядывается и нетерпеливо мотает головой.

Мертвец. Вот он, мертвец, и Курама будет рад напомнить ему об этом.

Негромко рыча - не так устрашающе, как следовало бы, и это все равно раздражает Кураму, потому что Наруто достаточно легко играл с его внешностью; неужели так трудно было дать ему голосовые связки, к которым он привык? Курама шагает за АНБУ, напоминая себе, что, как бы он ни был раздражен, как бы ему ни хотелось отпихнуть Нахо и побежать к Наруто, он должен быть терпелив.

Терпение - это то, что Курама знает. Он был заперт в человеческих телах уже более ста лет, и большую часть этого времени ждал, когда кто-нибудь из них использует слишком много своей чакры и выпустит его. Конечно, этого так и не произошло, а потом появился Наруто и перевернул все с ног на голову, но ожидание все равно продолжалось. Курама умеет оттягивать время, даже когда это так важно.

"Знаешь, - немного кисло говорит он, догоняя седовласого АНБУ, - она крепко спит. Уверен, у тебя не будет крапивницы, если ты просто понесешь ее туда, куда тебе нужно".

Гончая бросает на него боковой взгляд, и, хотя не похоже, чтобы он сделал шаг в сторону, между ними внезапно оказывается больше места, чем мгновение назад. "Мм, - хмыкнул он безразлично, а затем склонил голову в том направлении, куда они направились. "В кабинете Хокаге горит свет. Еще несколько минут, и ты будешь свободен".

Курама закатывает глаза. "И что? Я не особо хочу видеть вашего Хокаге, и если я хочу найти место для ночлега, а не землю или дерево, то мне нужно идти, пока гостиницы не закрылись".

На это он получил еще один косой взгляд, более резкий, чем ему хотелось бы. Если Гончая станет слишком подозрительной, добраться до Наруто, даже чтобы просто посмотреть на него, будет гораздо сложнее, чем нужно. Тем не менее, Гончая лишь лениво отвечает: "Ты не хочешь получить признание за свои действия?"

"Какие действия?" раздраженно спросил Курама. "Трактирщица в городе сказала, что разрешит мне остаться на ночь, если я разберусь с бандитами, и я так и сделал. Я как-то

сомневаюсь, что тебе нужна была помощь, даже если ты и засранец, готовый вырубить перепуганного сопляка, так что я практически силой пробился к тебе на задание".

Наступает пауза, и когда Курама настороженно поднимает взгляд, Гончая наблюдает за ним гораздо более откровенно. "Восемь к одному", - отмечает АНБУ спустя мгновение. "Тяжелые шансы".

"Ты же АНБУ", - возражает Курама, не понимая, почему они вообще об этом спорят. Если это вообще то, что они делают. "Если бы шансы были проблемой, тебя бы не было. Так ты возьмешь ее или нет?"

"Нет", - спокойно отвечает Гончая. "Мы здесь, и я не хочу ее будить. Ты можешь продолжать нести ее". Затем, как ни в чем не бывало, он незаметно ускоряет шаг и направляется прямо в здание администрации.

Черт, - устало думает Курама, глядя вслед Гончей, остановившейся на пороге. Он... действительно не хочет этого делать. Правда. Идти в кабинет Хокаге, стоять перед этим столом с привычным видом ночной Конохи за ним...

Нет. Это должно быть кресло Наруто, его стол, его окно. Это должен быть Наруто в этой мантии, в этой дурацкой шапке. А кто-либо другой - он может оказаться самозванцем, подделкой. Как бы Наруто ни любил Сарутоби, этот человек - не Хокаге Курамы. Он не Наруто. Он просто не Наруто. И как бы легко Курама ни выдал себя Кокуо, он не собирается сообщать об этом кому-то еще. Кокуо узнал бы его по чакре, потому что Гоби знал его, когда он не был полностью поглощен яростью и ненавистью. Но жители Конохи никогда не видели его другим, и Курама не хочет рисковать, чтобы они узнали об этом.

Обижаться на Сандайме за его личность, грубить человеку, которого называют Богом Шиноби, только потому, что он не тот, кого Курама хочет видеть, - это, пожалуй, хороший способ навлечь на себя подозрения. И Курама знает себя: будет чертовски трудно не быть грубым, учитывая, что в его груди завязывается узел эмоций.